

Разоружение Северного Кавказа – прямой путь к миру

Исторический опыт 20-х – 40-х годов XX века

Владимир Галицкий

В современных условиях на территории Северного Кавказа остаются нерешенными многочисленные региональные политические, социальные, экономические, национальные, религиозные и территориальные противоречия, которые при определенных дестабилизирующих условиях уже приводили и могут привести к возникновению сепаратистских движений¹. Как правило, такого рода движениям, предшествуют: радикализация национальных, конфессиональных и иных мировосприятий; акты экстремистского и террористического характера; образование незаконных вооруженных формирований и, в конечном итоге, внутренние вооруженные конфликты.

С этой точки зрения на Северном Кавказе уже имеются предпосылки к развитию такого рода событий. Демилитаризация Северного Кавказа в совокупности с разрешением социально-экономических противоречий могут способствовать предотвращению вооруженных конфликтов.

В сложившейся ситуации перед всеми структурами государственной власти стоят задачи выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и экстремизма, деятельности незаконных вооруженных формирований, преступных групп и отдельных лиц, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации², то есть борьбы с сепаратистскими движениями³.

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – действительный член (академик) Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор, капитан I ранга..

Ключевые слова: разоружение, сепаратизм, политический бандитизм, мюриды, панисламизм, радикальный ислам, повстанческие выступления, подполье, ревком.

История вопроса

Российское государство в XX в. пережило два территориальных распада: первый – после Октябрьской революции 1917 г. и второй – после августовских событий 1991 г.

После этих распадов происходило бурное самопровозглашение национально-государственных образований, создаваемых народами национальных окраин российского, а позже советского государства.

Следует отметить, что после образования Российской Федерации (1992 г.) процесс суверенизации народов не прекратился. События на территории Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии и Ингушетии в 2005–2009 гг. тому яркое свидетельство.

Какие факторы могут быть использованы противниками стабильности нашего государства на Северном Кавказе? Как утверждают многие исследователи^{4, 1}, это, прежде всего:

- несоблюдение большинством ветвей местной власти требований федеральных и республиканских законов (избирательность при определении наказания, нарушение принципа равенства всех перед законом, коррумпированность судей, госчиновников, сотрудников прокуратуры, контролирующих и следственных органов и т.п.);

- наличие на территории Северо-Кавказского региона потенциальных очагов социально-политической напряженности, межэтнических и территориальных противоречий, которые могут вылиться во внутренние вооруженные конфликты;

- стремление национальных элит некоторых субъектов Южного Федерального округа (ЮФО) к самоопределению, вплоть до выхода из состава Российской Федерации;

- наличие трудноразрешимых региональных и социально-экономических

проблем (экономического кризиса; безработицы; вытеснения русскоязычного населения из ряда субъектов ЮФО, имеющих свои национально-государственные образования, методом этнической (этносоциальной) стратификации (престижные и социально значимые виды деятельности закрепляются за лицами коренной национальности, и этнические различия определяют социальные и материальные возможности людей и т. д.);

- все возрастающая активность исламского фундаментализма, радикализма и религиозно-экстремистских действий, проникающих в среду народов России, традиционно исповедующих ислам, и попытки возбудить сепаратистские тенденции^{5, 1};

- коррупционность, тесно переплетенная с родовой клановостью, пронизавшей фактически все структуры местной власти (республика – район). Это приводит к вседозволенности тех, кто входит в состав местной власти или находится около нее, и к безысходности у тех, кто отстранен от нее;

- повсеместная безавторитетность местных органов власти и неверие местного населения в ее способность изменить создавшуюся обстановку, навести законный порядок;

- наличие боевого огнестрельного оружия у значительной части местного населения (особенно в Горном Дагестане, Чечне и Ингушетии) и др.

Результаты обобщения исторических событий на Северном Кавказе, в 20-е – 40-е годы XX в.^{6, 4}, дают основание высказать мнение о том, что этот период также изобиловал многочисленными социально-политическими конфликтами, перераставшими часто в бандитско-повстанческие выступления; коррумпированностью, клановостью, религиозным радикализмом, массовым

обнищением горцев; безавторитетностью местных органов власти как республиканского, так и районного масштаба; неверием местного населения в способность “Москвы” (то есть центральной власти) навести порядок на Северном Кавказе и, в силу этого, игнорировавших ее.

Автор попытался провести некоторые параллели между социально-политической обстановкой 20-х – 40-х годов XX в. на Северном Кавказе и современностью. При этом преследовалась цель обосновать тезис о том, что подавляющее большинство горского населения Северного Кавказа совершали повстанческие, террористические, бандитские и иные антигосударственные

действия по собственной инициативе или по наущению других антигосударственных сил и движений не из-за какой-то природной предрасположенности к этому, а из-за объективно складывающихся жизненных обстоятельств:

- обнищение, полнейшее бесправие, коррумпированность и произвол местной власти;

- систематическое идейно-психологическое воздействие радикальных родовых и религиозных руководителей и их агитация к неповиновению существующей власти;

- бездействие органов центральной власти по борьбе с коррупцией и клановостью местной власти.

Факторы, влияющие на возникновение сепаратистских тенденций

Обобщение архивных материалов по вопросам социально-политической обстановки на Северном Кавказе в 20-е – 40-е годы XX в.⁶, позволяет сделать вывод о том, что основными факторами, оказывавшими на нее существенное влияние в рассматриваемый период являлись:

- наличие радикально настроенного исламского духовенства во главе с авторитетными шейхами и имамами, ранее активно участвовавшими в борьбе с советской властью, и имевшими в своем распоряжении до несколько тысяч фанатиков-мюридов (большой частью вооруженных)*;

- неавторитетные органы республиканской, областной и местной советской власти, большей частью коррумпированных и засоренных бывшими белогвардейцами или выходцами из зажиточных слоев северокавказского об-

щества, а также состоявших из представителей одного тейпа (рода);

- слабость правоохранительных органов, укомплектованных недостаточно грамотными в профессиональном отношении работниками;

- практически всеобщая вооруженность горского населения; высокая религиозность местного населения и повсеместный авторитет мулл, мусульманских и родовых вождей.

После Гражданской войны на руках у горцев оставалось значительное количество боевого стрелкового оружия, что использовалось для реализации всевозможных сепаратистских идей по свержению советской власти, созданию Кавказской конфедерации, Халифата и т.п.

С этой целью поднимается ряд вооруженных восстаний, проходивших под лозунгами защиты Шариата.

* Например, чеченский шейх Али Митаев имел свыше 8 тыс. своих последователей, а дагестанские шейхи (Шарип Гергебильский, Магома Бильтаульский и др.) в общей массе имели около 75 тыс. мюридов. Мюриды того времени все были, как правило, вооружены.

Так, в 1920 г. Саид-Бек, внук Шамиля, вместе с Гоцинским Нажмутдином и при помощи меньшевистского "правительства" Грузии поднял крупное вооруженное восстание в ряде горных районов Дагестана и Чечни.

Восстание началось вооруженным выступлением в Нагорном Дагестане (Андийский, Аварский и Гунибский округа) в сентябре 1920 г., а закончилось в мае 1921 г.

Восстание проходило под лозунгами панисламизма, ликвидации провозглашенной 13 ноября 1920 г. советской автономии Дагестана и установления шариатской монархии (государство, построенное в соответствии со сводом религиозно-этических и правовых предписаний ислама)⁷.

Следует отметить, что даже приобретение Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Кабардино-Балкарией и другими территориями автономии не снизило активности подпольного антисоветского движения.

Основными причинами были:

– противоречия между декларируемой советской властью политикой и реальным состоянием дел;

– сильнейшее воздействие на миропонимание и сознание горских масс населения Северного Кавказа исламских и родовых руководителей, позволявшее управлять ими в выгодном для себя отношении;

– коррумпированность всей вертикали представителей местной власти (председатели ревкомов, селькомов-исполкомов; прокуроры, судьи; руководство местной милиции и т.п.);

– отсутствие надлежащего контроля со стороны центральной советской власти за расходом бюджетных средств.

Обо всем этом было изложено начальником Чеченского областного отдела ГПУ В.Абрамовым секретарю Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) т. Микояну в докладной записке от 21.03.1923 г.

В ней он указывал: "Современное политическое состояние Чечни определяется двумя моментами, в своем итоге служа-

щих исходной точкой всего того, что мы имеем сейчас в Чечне. Первым моментом надо считать тот хаос и ту неуверенную обстановку во внутренней жизни, явившейся результатом почти всякой потери влияния, доверия и авторитета власти Автономной области, в лице ее областных и окружных органов. С другой стороны, в противоположность первому, растет влияние и значение мусульманского духовенства Чечни, результата организованных наступательных действий последнего по пути вмешательства в процесс политического развития Чечни. В этих двух моментах и надо искать причины и корень той сдержанной выжидательности населения, местами переходящей в откровенное недовольство ... против власти Чечни, того развития удивительного по размерам характера бандитизма, как внутри, так и вне ее, подъема религиозности населения вплоть до фанатизма и вообще всего, что сейчас наблюдается в Чечне".

Такое положение было и в других республиках Северного Кавказа, общеполитическое состояние которых было весьма серьезным. При этом Советская власть, заигрывая с горцами, существенно ущемляла земельные и другие права русского населения на Северном Кавказе (массовые репрессии 1920–1922 гг., присоединение в 1923 г. к Чечне Петропавловской волости и станиц Казачьего округа – Ассиновской и Нестеровской, заселенных большей частью казаками, то есть, считай, русскими и т.п.).

Бандитизм в Чечне и в соседних с ней районах вновь активизировался. В большей части грабилось русское население.

Так, 22, 23 и 24 февраля 1923 г. было совершено 6 крупных налетов почти во все станицы Казачьего округа, не считая мелких грабежей. Нападали банды по 70 чел.

Произошли целые бои между милицией и бандами с жертвами с той и другой стороны. Бандиты, преимущественно жители чеченских аулов, приграничных с Казачьим округом.

Из-за распространившегося мнения среди казачества, что чеченцы, получив автономию, рано или поздно выселят их отсюда, казаки стали стихийно переселяться в селения Терской линии. В одночасье только из одной станицы Карабулак выехало 85 семей.

Со стороны советской власти никакой защиты казакам не было.

Наблюдая за бездеятельностью Чеченского ревкома, внутри советского аппарата Чечни шли склоки и борьба отдельных группировок, что привело к недовольству чеченской интеллигенции. По Чечне создавались целые организации, поставившие себе целью борьбу за свержение действовавшего облревкома в лице его главы – Эльдархановым.

Недовольство населения составом власти Чечни, установление идеологической гегемонии мусульманского духовенства над массами, общее апатичное отношение к политической жизни и предоставленным политическим правам (автономии) и рост бандитизма не только внутри самой Чечни, но и вне ее – вот характерные признаки тогдашнего политического состояния Чечни.

В остальных областях Северного Кавказа (например, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии) социально-политическая обстановка была несколько спокойнее. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в них было менее радикально настроенное мусульманское духовенство и более крепкие позиции советской власти.

Разоружение Чеченской автономной области

Осознавая взрывоопасность сложившейся обстановки, партийные и советские органы власти приняли решение предотвратить возможные восстания на Северном Кавказе за счет проведения упреждающих войсковых операций по изъятию как оружия (лишение средств совершения преступления), так и формальных и нефор-

Совершенно другое положение было в Дагестане из-за иного соотношения местных сил. С одной стороны, по сравнению к общему населению страны, количественно незначительный и чрезвычайно слабый, особенно в низовых его ячейках, партийно-советский аппарат, втянул в орбиту своего влияния только часть населения – городско-го и равнинного. Он был засорен чуждым, антисоветским элементом. С другой стороны, особенно в Горном и Предгорном Дагестане, были значительные силы явно антисоветского порядка в виде вполне стабильного, даже развивающегося в ширь реакционного, по существу своему, шейхизма-мюридизма и мусульманского духовенства.

Например, в Даргинском округе были две конкурирующие власти – советская и власть шейха Али Гаджи Акушинского.

Таким образом, социально-политическое неустройство Чечни, Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, ошибки, допускаявшиеся представителями советской власти, коррумпированность всех ветвей власти и засилье в ней, как правило, представителей одного тейпа, религиозный фанатизм горцев, их поголовная вооруженность, все это давало основания к тому, чтобы антисоветски настроенные националисты, мусульманские и родовые авторитеты, продолжали возбуждать повстанческие настроения среди местного населения.

мальных лидеров, являвшихся вдохновителями, идеологами и организаторами вооруженных выступлений горцев против государства на Северном Кавказе.

Разоружение было начато с Чечни, поскольку она представляла наибольшую опасность с точки зрения возможности восстания.

Одним из поводов к началу проведения операции явилось убийство Начальника Горского отдела ГПУ (по ГАССР) тов. Штыба* 20 ноября 1923 г. в Ингушетии.

К операции были привлечены войсковые соединения СКВО. Операция началась 23.11.1923 г. с территории Северной Осетии и Ингушетии, а с 06.12.1923 г. продолжилась на территории Ачхой-Мартановского, Гудермесского и Шалинского районов Чечни, как наиболее зараженных политическим и уголовным бандитизмом, а затем в остальных районах Чечни.

С учетом сложившейся обстановки, операция фактически была закончена лишь к февралю 1924 г.

Результаты операции^{7, 4}. Операция по разоружению Чечни и Горской Республики (Северная Осетия, Ингушетия) официально проходила с 23.11.1923 г. по 30.12.1923 г. (в Северной Осетии и Ингушетии с 23.11. по 10.12.1923 г., а в Чечне с 06.12 по 30.12.1923 г.).

Всего в Чечне было изъято 1788 винтовок, 5717 винтовочных патронов, 323 револьвера, 382 револьверных патрона, 5 шашек.

В Северной Осетии изъято 1817 винтовок, 245 револьверов, 11513 винтовочных патронов, 534 револьверных патрона, 9 шашек кавказских и 55 обрезов.

В Ингушетии изъято: 810 винтовок, 64 револьвера, 178 револьверных патронов, 4 карабина иностранных, 24 русских карабина, 13 обрезов, 18 берданок, 2 шашки.

При подведении итогов операции стало очевидным, что она желаемого результата не дала, поскольку основные организаторы и идейные вдохновители сепаратистских идей и идеи построения шариатского государства в Чечне и Ингушетии не были ликвидированы, вся масса оружия не была вы-

явлена и изъята, а также не прекращено разжигание религиозной воинственности в Чечне, о чем было доложено руководством операцией в Крайбюро Юго-Востока России 24.05.1924 г. Оставалась реальная опасность повторной подготовки восстания в Чечне, а также объединения действий чеченских сепаратистов с грузинскими, поднявшими вооруженное восстание против Советской власти в Грузии (середина 1924 г.) с целью выхода ее из состава Советской России. Массовая политическая и религиозная воинственность и агрессивность горцев (прежде всего чеченцев) не уменьшилась.

Исходя из анализа достигнутых результатов и для снятия накопившейся массовой политической и религиозной агрессивности в Чечне, как наиболее сплоченной и враждебно настроенной против Советской власти, было принято решение провести очередную, более тщательно подготовленную войсковую операцию на территории **Чеченской автономной области**. Операция начала готовиться с середины 1924 г. (сама операция планировалась на 1925 г.).

Для исключения имевшихся недостатков были разработаны подробные инструкции-положения, которые заблаговременно были согласованы с Крайкомом. Политуправление СКВО, учитывая особенности менталитета чеченского народа, его обычаев и традиций, выпустило специальную “Памятку красноармейцу”, в которой в популярной форме объяснялось, как ему следует вести себя на “маневрах”, учитывая все религиозные и бытовые условия в Чечне.

Все вопросы, связанные с проведением операции по разоружению Чечни

* Штыб Семен Митрофанович (1896–1923 гг.), партийный и советский работник, член РСДРП(б) с 1915, из рабочих. (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Гл. ред. С.С.Хромов).

в 1925 г., предварительно были согласованы с И.В.Сталиным Председателем РВС СССР, командующим СКВО, Краевым парткомом РКП(б) и Краевым Исполкомом Северо-Кавказского края.

Таким образом, на проведение операции по разоружению Чечни было получено политическое, юридическое и военное разрешение, в соответствии с которым были выделены необходимые силы и средства, материально-техническое и финансовое обеспечение.

Основными задачами операции были:

1. Поголовное разоружение Чечни, особенно ее горной части.

2. Разгром баз контрреволюции и бандитизма за счет одновременной изоляции идеологов и организаторов антисоветской деятельности, бандповстанческих действий и сепаратизма и, прежде всего таких фигур, как имам Нажмутдин Гоцинский, Атаби и Ума Шамилевы, шейх Ансалтинский, шейхи Каим-Хаджи, а также Гебертиев, Астемиров, Бело-Хаджи и др.

3. Склонение активного контрреволюционного и бандитского элементов к добровольной явке.

4. Проведение широкой информационно-агитационной работы по разъяснению целей и задач советской власти, причин изъятия оружия и изоляции враждебно настроенных лиц, а также необходимости их выдачи с гарантией безопасности и обеспечения спокойствия в населенных пунктах.

5. Закрепление в результате операции советского порядка в Чечне и межнационального мира на ее границах, а также оздоровление аппарата советской власти, отстранения от должности враждебных ей лиц из аппарата местной и областной власти.

6. Экономическая помощь горным районам Чечни и, прежде всего, беднейшим слоям чеченского населения.

Во время операции по всей Чечне изъято 25299 винтовок, 4319 револьверов, около 74000 винтовочных и около 1700 револьверных патронов, 2 пулемета, телеграфный аппарат, несколько десятков винтовочных обрезков и бомб^{7, 4}.

Арестованы: Гоцинский, Атаби и Ума Шамилевы, Шамсутдин-Хаджи, два Каима-Хаджи, Ансалтинский, Сугаип Гайсумов, Бело-Хаджи, переводчик Шипшева, турецкий полковник Хусейн Эфенди, главарь банды Гебертиев, Софиев-Хаджи.

Убиты руководители дагестанских банд Али-Булат и Долгат Довлет Мирзоев.

Пойманы главари банд: Астемиров, Арсакоев Асу и Саид Оздиев, Маусаров Дуда и др.

Арестовано всего до 400 бандитов и им сочувствующих и укрывателей оружия.

Явилось добровольно с повинной около 50 бандитов. Разрушено и сожжено около 100 домов, скрывавших бандитов.

Взято у бандитов более 100 лошадей.

Со стороны советских войск убито, ранено и упало в пропасть до 20 бойцов.

Операция в Чечне была закончена 15 сентября 1925 г. Опрос арестованных подтвердил данные о содействии (фактически предательство) членами ЧечЦИК и другими ответственными работниками Чечни Нажмутдину Гоцинскому и его сторонникам. К этому были причастны Абас Тайсумов, Данильбек Шерипов, юриконсульт Трамов, Махмут Хамзатов и Заурбек Шерипов.

Следует отметить, что к концу операции по Чечне, от многих чеченцев (руководящих и рядовых) стали поступать предложения провести также разоружение Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Сунженского округа*. Об этом руководители операции Уборевич, Евдокимов и Володин

* На 1925 г. большинство населения Сунженского округа составляли русские (казаки).

шифртелеграммой № 315 от 09.09.1925 г. из Грозного сообщили Фрунзе и Ягоде в Москву, а Микояну, Дзержинскому и Менжинскому в Пятигорск. В телеграмме говорилось: "Население Чечни отмечает, что без разоружения прилегающих районов Ингушетии, Дагестана Чечня может быть снова наводнена оружием и разовьет бандитизм. Необходимо, чтобы местные власти Ингушетии, Дагестана сами приняли меры к разоружению".

Операция по разоружению Ингушетии, Северной Осетии и Сунжи в 1925 году

Учитывая реальность нового наводнения Чечни оружием, было принято решение войсковую операцию продолжить и произвести разоружение Ингушетии, Северной Осетии и Сунженского округа.

19.09.1925 г. Бюро крайкома Северо-Кавказского края признало необходимым одновременное разоружение Северной Осетии и Ингушетии. В связи с этим решением 21 сентября 1925 г. прошли военно-политические совещания по Ингушетии под председательством Зязикова и того же числа по Северной Осетии под председательством Авсаргова.

Руководство по разоружению Ингушетии по военной линии было сосредоточено в руках комдива тов. Козицкого, а по Северной Осетии под командованием начальника штаба СКВО тов. Зиновьева.

Операция по разоружению **Ингушетии** была начата 23 сентября и окончена 2 октября 1925 г.

Изъято 6034 винтовки, 754 револьверов и 18503 патрона.

Арестовано 32 бандита и около 100 укрывателей. Убито бандитов до 10 чел.

Добровольно сдалось 20 бандитов.

Разрушено, сожжено и повреждено артогнем около 10 домов.

Разоружение **Северной Осетии** производилось с 25.09.1925 г. по 03.10.1925 г.

В этом усматривалось два смысла: первый, чеченцы намеревались таким образом компенсировать нанесенную им обиду со стороны советской власти (изъятие оружия и оставление их, как бы, беззащитными перед вооруженными соседями) и второй – опасность того, что чеченцы снова вооружаться за счет массовой скупки оружия у ингушей, осетин и дагестанцев.

Изъято 9957 винтовок, 1637 револьверов, 21834 патрона, 13 гранат, 67 винтовочных стволов и обрезов, один пулеметный станок и другое военное имущество.

Арестовано 112 бандитов и укрывателей оружия.

Явилось добровольно 18 бандитов.

С нашей стороны убит один милиционер и два красноармейца ранены.

Разоружение **Сунженского округа** было начато 02.10.1925 г. и закончено 05.10.1925 г.

Разоружено 3 станицы и 1 хутор, который предварительно за сопротивление обстрелян пулеметным огнем.

Всего по Сунже изъято: 877 винтовок, 28 револьверов и 5457 патронов.

Итого по всей бывшей Горской республике (Ингушетия, Северная Осетия и Сунжа) изъято: 16109 винтовок, 1977 револьверов и 37662 патрона, а всего с Чечней более 40000 винтовок, около 6000 револьверов и до 110000 патронов.

Арестовано и добровольно явилось около 600 чел., дела которых рассматривались местными политтройками и утверждались краевой.

Таким образом, была проведена **операция по разоружению всего Северного Кавказа** (без Дагестана, Адыгеи, Краснодарского края и Ставропольского края), которая проходила с 25.08.1925 г. по 26.10.1925 г. включительно. В ходе нее было изъято: 54038

винтовок, 9495 револьверов, 136151 боевых патронов.

Необходимо отметить, что в результате проведенной операции произошла определенная сдвигка в сознании многих чеченцев и в их отношении к советской власти. В появлении Красной Ар-

мии чеченцы видели проявление “власти”. Большинство чеченцев, несмотря на разнообразие отношений к советской власти и к самой операции, выражало глубокое удовлетворение появлением этой “твердой власти”. Чеченцы нуждались в крепкой власти.

Операция по разоружению Дагестана в 1926 году

Результаты анализа архивных материалов, отражающих социально-политическую и оперативную обстановку на Северном Кавказе после проведения операций по разоружению Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Сунженского округа, дают основание сделать вывод о том, что даже после их разоружения и изъятия значительной части националистических, радикально настроенных мусульманских авторитетов и бандэлемента обстановка оставалась напряженной. Эту напряженность питали не только нерешенность многих социально-политических и экономических проблем, но и остававшееся значительное количество огнестрельного оружия на территории других республик и областей, которые не подверглись разоружению. Наиболее опасной частью Северного Кавказа в это время являлся Дагестан, имевший не только значительное количество населения, но и оружия.

Операцию планировалось начать по всему **Дагестану** с 3 сентября 1926 г.

Учитывая приобретенный опыт по разоружению Чечни (1925 г.) были предприняты меры к установлению бесперебойной работы всех средств связи; активному наблюдению за плотном железной дороге с организацией патрулирования и т.д.; очистке товарных поездов от проезжающих и фильтрации таковых и т.п.

Кроме того, на все время операции для пресечения утечки оружия и бандэлемента на территории соседних окру-

гов и областей были организованы следующие заслоны:

1. по границе с Чечней;
2. по границе с Закавказской СФСР;
3. внутренний – по границе Кизлярского округа с равнинным Дагестаном;
4. Терский – по границе Терского округа с Ачикулаком и Кизлярским округом.

Для непосредственного участия в операции было решено выделить лучшие, максимально дисциплинированные и обученные части СКВО, преимущественно из тех военных сил, которые уже получили опыт военных действий в горах во время Чеченской операции 1925 г. (в общей сложности не менее 13000 бойцов, и командного состава).

Считаясь с наличием сил и трудностями проведения изъятия оружия в Дагестане, операцию в связи с политической обстановкой в полном согласии с командованием СКВО было признано разделить на два этапа:

В первую очередь – произвести изъятие оружия в Даргинском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах с охватом одновременно районов укреплений Ботлих, Хунзах, Гуниб как наиболее ответственных и трудных районов Горного и Предгорного Дагестана. Здесь население больше всего находилось под влиянием контрреволюционного шейхизма и было наиболее отсталое. Это население меньше всего находилось под влиянием советской власти в силу слабости низового советского и партийного аппарата.

Началом выступления частей Красной Армии и оперативных групп с мест их постоянного расположения является 25 августа, а к 3 сентября фактически закончилось сосредоточение всех действующих оперативных групп и частей в местах согласно приказов командования СКВО.

Операция прошла успешно.

В ходе нее было изъято оружия: винтовок – 38201, револьверов – 19589, пулеметов – 12, гранат – 561, винтовочных патронов – 88195, револьверных патронов – 8875.

Во время операции было произведено арестов – 1867 злостных недатчиков, укрывателей оружия; злостных агитаторов против сдачи оружия, совершавших должностные преступления; контрреволюционного и бандитского элемента.

По окончании операции освобождено – 1518 чел.

Основные политические выводы из операции по разоружению Дагестана следующие:

1. Операция проведена в полном соответствии с Постановлением По-

литбюро ЦК ВКП (б) с положительными результатами.

2. Части Красной Армии вели себя за все время операции образцово, проявляя максимальный такт, выдержку, дисциплинированность.

Этому способствовало и распространение среди военнослужащих “Памятки красноармейцу”, где было расписано как себя вести в общении с местными жителями (аналогичная памятка использовалась и во время проведения операции в Чечне в 1925 г.). Характерной особенностью данной операции было то, что в ходе нее был нанесен минимальный моральный и материальный ущерб местному населению.

3. Операция в целом явилась поворотным моментом в развитии отношений горской массы к советской обществу и государственности.

4. Для закрепления положительных результатов операции были проведены необходимые экономические и культурные мероприятия в интересах быстрого развития экономики и государственности в Дагестане.

Операции по локализации сепаратистских и бандповстанческих выступлений на Северном Кавказе в 1929–1940 годы

Не достаточно полное и широкое закрепление достигнутых положительных результатов операции в Чечне (1925 г.), нерешенность ее социально-экономических проблем, слабая политико-организационная работа советского и партийного аппарата среди населения привели к тому, что среди чеченской национальной интеллигенции, мусульманского духовенства снова активизировались сепаратистские идеи и намерения. Эта нездоровая социально-политическая обстановка на территории Чечни особенно осложнилась к концу 1929 г.

Причинами послужили проведение сплошной коллективизации, экономи-

ческие репрессии против зажиточных хозяйств, введение твердых заданий по хлебозаготовкам и т.п. Чечня и Ингушетия стали вооружаться, радикально настроенные религиозные и родовые авторитеты вели скрытую агитационно-пропагандистскую работу.

Имелись все основания считать, что возможно крупномасштабное повстанческое выступление.

Партийным и советским руководством Северо-Кавказского края было принято решение нанести упреждающий оперативный удар для лишения сепаратистского и повстанческого подполья средств борьбы с советской властью. Согласно плана, с 01.10. по 26.10.

1929 г. была проведена очередная войсковая операция по разоружению Чечни и Ингушетии.

В результате этой операции было изъято боевого огнестрельного оружия в Чечне – 4700 единиц, в Ингушетии – 1478 единиц, всего 6178 единиц.

Однако, как показали последующие события, антисоветские элементы Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабарды и Карачаево-Черкессии, сохранившие свои социально-экономические позиции и свое влияние на бедняцко-средняцкую массу тейпов, используя ошибки партийно-советского актива в проведении коллективизации, а также оппозиционных элементов, искусственно извращавших политику партии, спровоцировали в 1929–1933 гг. ряд вооруженных восстаний и выступлений.

Так, в 1929 г. под руководством бандита, бывшего так называемого “Военного Министра правительства Узун-Хаджи”, – Истамулова Шиты были спровоцированы вооруженные выступления в Шалинском и Урус-Мартановском районах; в 1930 г., под руководством муллы Муртазалиева Джавотхана – в ряде селений Итум-Калинского, Шатоевского и Чеберлоевского районов, а также Галанчожском районе и Хамхинском сельском совете Галашкинского района, в 1932 г. – восстание в Ножай-Юртовском районе.

К 28 марта 1932 г. в район восстания были стянуты крупные войсковые силы и к 1 апреля 1932 г. восстание было ликвидировано.

При ликвидации восстания и проведении операции было изолировано 934 чел. Убито при оказании сопротивления 319 чел. Изъято различного огнестрельного оружия 1498 единиц.

Таким образом, можно сказать, что почти ежегодными разного масштаба операциями к 1936 г. была существенно снижена активность сепаратистских и бандовостанческих формирований Северного Кавказа и их возможности

поднимать восстания против советской власти. Однако эта проблема не была решена окончательно. Наиболее опасной в этом отношении оставалась Чечено-Ингушская республика.

В связи с обострением обстановки в Чечено-Ингушетии в середине 1937 г., в ночь с 31.07. на 01.08.1937 г. по всем аулам и районам была проведена так называемая генеральная операция по изъятию антисоветских элементов, в ходе которой по ЧИ АССР было арестовано до 14 тысяч человек (их судила чрезвычайная тройка НКВД Чечено-Ингушской АССР)⁴.

Оперативной группой Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР совместно с Управлением рабоче-крестьянской милиции НКВД ЧИ АССР, учитывая наличие огромного количества неучтенного огнестрельного оружия у населения Республики, с 15 декабря 1937 г. по 1 мая 1938 г. была проведена операция по изъятию оружия.

В ходе операции было изъято винтовок всех систем – 3348 единиц; револьверов и пистолетов всех систем – 2596 единиц; прочего нарезного оружия – 1534 единиц; ненарезного оружия – 3411 единиц. Всего: 10889 единиц. Кроме того, было изъято: пулеметов станковых – 3 единицы; ручных пулеметов – 1 единица; гранат ручных – 17 шт.; патронов всех систем – 545 шт.

Вместе с тем, проблема с бандитизмом и обеспеченностью его оружием ликвидирована не была.

На территории ЧИ АССР на 2 марта 1939 г. действовали (по официальным данным НКВД СССР) более 8 политических банд, то есть банды, преследовавшие политические цели и использовавшие методы политического террора⁶. В этот же период на территории Северо-Осетинской АССР действовало 22 учтенные банды (общая численность 101 чел.). Состояли они в основном из лиц ингушской национальности⁶.

Перечисленные банды имели широкую сеть пособников, что позволяло им быстро увеличивать количество членов каждой банды до 50 и более чел. В основном они занимались ското-конокрадством, нападением на поезда, совершали теракты над военнотружущими и советско-партийным активом.

В результате проведения операций с привлечением войсковых подразделений на территории Северного Кавказа только за период с 1937 по 1940 гг. органами НКВД было ликвидировано 109 кадровых банд с 509 участниками в них и 1026 бандодиночек. При этом

было изъято свыше 14000 единиц различного стрелкового оружия.

Таким образом, с приходом Советской власти на Северный Кавказ (в период с 1920 г. по 1941 г.) происходили систематические бандповстанческие выступления.

Обобщение данных о борьбе с повстанческой деятельностью на Северном Кавказе показывает, что за период с 1921 г. по 1941 г. только на территории Чечено-Ингушетии произошло более 10 вооруженных восстаний и выступлений с участием от нескольких сот до десятков тысяч повстанцев. Удалось предотвратить 3 крупных вооруженных восстания.

Общие выводы по операциям по локализации сепаратистских и бандповстанческих выступлений на территории Северного Кавказа:

1. Операции по разоружению Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Сунжи (23.11.1923 г. 20 октября 1925 г.), Дагестана (03.09.1926–20.09.1926 г.) были крупномасштабными совместными специальными операциями по разоружению и изъятию бандповстанческого элемента на территории нескольких административно-территориальных единиц Северо-Кавказского края с четким планированием, заблаговременной подготовкой (на их подготовку уходило от нескольких месяцев до года). Операции длились от двух недель до полутора месяцев.

Задачи, поставленные перед операциями, были полностью решены, а намеченные цели достигнуты.

Только с 23.11.1923 г. по 26.10.1929 г. было изъято разных типов боевого оружия 157216 единиц, 28 пулеметов, одно орудие и сотни тысяч боевых патронов.

С точки зрения теоретического обоснования понятия и содержания проведенных операций, то их можно определить как крупномасштабные совместные специальные операции по локализации сепаратистских и бандповстанческих выступлений на территории одной или нескольких административно-территориальных единиц Северо-Кавказского региона, в основе которых лежал комплекс политических, оперативно-розыскных, оперативно-боевых, войсковых, правовых и информационно-пропагандистских мер и мероприятий, подчиненных единому замыслу, проводимых одновременно и в тесном взаимодействии с политическими, административными, войсковыми, правоохранительными и государственными органами власти (местными и центральными).

2. Операциям всегда предшествовало тщательное изучение социально-политической, экономической и топографической обстановки территории операции, политического и морально-психологического настроения местного населения и, особенно, видных религиозных, родовых и общественных авторитетов, а также бандглаварей. Прогнозировалось возможное вооруженное сопротивление операции.

3. Регулярные войска (их тогда называли – полевые войска. – *Авт.*) применялись исключительно для блокировки как внешних границ всей территории зоны

проведения операции, так и внутренних границ территории оперативных районов, в которых действовали созданные оперативные группы. Войсковые силы использовались для разоружения в исключительных случаях.

Как правило, аресты, задержания и изъятие оружия и бандповстанческого элемента производилось силами оперативных групп, имевших в своем непосредственном распоряжении войсковые подразделения из состава войск НКВД.

4. Несмотря на то, что в зоне операции какой-либо правовой режим (чрезвычайное или военное положение) не объявлялся, однако всякое передвижение как в зоне операции, так и в ее ближайшем окружении жестко контролировалось.

Административные границы вокруг Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Сунжи блокировались специально созданными временными формированиями из числа пограничных отрядов, местной милиции и местного населения (силы самообороны) приграничных с Чечней, Дагестаном и т.п., что фактически исключило выход политбандитов и других лиц из зоны операции*.

5. Вместе с тем, руководству проводимых операций (особенно во время операции в Чечне) не удалось привлечь на свою сторону основную массу местного населения (прежде всего беднейшего), которая не была против советской власти как таковой, однако была послушной в руках местных религиозных, родовых и бандитских авторитетов, которые часто оказывали ему материальную помощь (сдавали в аренду землю, крупный и мелкий рогатый скот; но обязывали отработывать за полученную помощь).

Какие же уроки необходимо извлечь из опыта проведения крупномасштабных специальных операций в 1923–1940 годы на территории Северного Кавказа?

Во-первых, целесообразно, не допускать, с использованием всех политических, правовых и иных возможностей вооружения местного населения конфликтоопасных регионов (как это было допущено в Чечне в 1991–1992 гг.).

Во-вторых, систематически осуществлять широкий контроль за деятельностью местных органов власти конфликтоопасных регионов (не допускать клановости, коррумпированности в структурах органов власти, исключать нецелевое расходование бюджетных средств и т.п.).

В-третьих, при подготовке контртеррористических или специальных операций целесообразно:

- тщательно изучать социально-политическое состояние зоны операции (выявить, уточнить вероятные силы сопротивления, их формальных и неформальных лидеров);
- отношение местного населения к местной и федеральной власти, к сепаратистам, экстремистам, террористам;
- национальные и религиозные особенности местного населения;
- наличие в прошлом или в настоящем межнациональных, межконфессиональных и межличностных конфликтов в среде местного населения;

* В период проведения специальных и контртеррористических операций на Северном Кавказе в 1994–2005 гг. имели случаи ухода мелких групп и даже отрядов чеченских боевиков из зон операций на территорию Чечни, из Чечни в Грузию и т.п.

– проводить системную информационно-пропагандистскую работу среди населения по разъяснению сущности сепаратистских, экстремистских и террористических действий и т.п.

В-четвертых, заблаговременно разрабатывать специальные “памятки” для лиц, участвующих в операции, в которых в популярной форме раскрывать национальные обычаи и традиции, психологию, суть межнациональных и межконфессиональных отношений в зоне проведения операции, что минимизирует возможные конфликты участников операции с местным населением.

В-пятых, проводимые контртеррористические или специальные операции по ликвидации сепаратизма, экстремистских и террористических формирований всегда должны закрепляться путем полного устранения причин и условий, способствовавших возникновению этих опасных противоправных социально-политических явлений. Обязательно должна проводиться широкомасштабная информационно-разъяснительная работы по доведению до населения зоны проведения операции ее сущности, целей и задач, причин, раскрытия истинных целей и задач, решаемых сепаратистами, экстремистами и террористами.

Безусловно, с созданием Национального антитеррористического комитета, антитеррористических комиссий в субъектах Федерации, Федерального оперативного штаба и оперативных штабов в субъектах Федерации имеются реальные предпосылки для надлежащей организации и проведения контртеррористических и иных специальных операций.

Вместе с тем, ознакомление с действующими положениями об этих штабах и организацией их работы дает основание высказать мнение о том, что они рассчитаны на подготовку и проведение локальных контртеррористических и специальных операций по освобождению заложников и ликвидацию небольших террористических формирований и незаконных вооруженных формирований. По этой части они уже приобрели необходимый положительный опыт. Однако для подготовки и проведения крупномасштабных контртеррористических и специальных операций одновременно на всей территории таких конфликтоопасных субъектов Российской Федерации, как Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Ингушетия и др. будет полезным учитывать и прошлый опыт, тем более что он имеет положительные результаты.

Примечания

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537. П. 10; Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала 20–21.11.2008 г. Т. 1, 2. Махачкала: изд. “Лотос”, 2008 г.; *Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н.* Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ: Ир, 2008; Чечня в пламени сепаратизма. Составители Сурков А., Турчин А. Саратов: изд. Поволжской академии госслужбы, 1998; *Али-ев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.

² ФЗ РФ № 35-ФЗ от 06.03.2006 г. “О противодействии террористической деятельности”; ФЗ № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. “О противодействии экстремистской деятельности”.

- ³ Шанхайская конвенция “О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом” (Шанхай, 15.06. 2001 г.). Конвенция вступила в силу 29.03. 2003 г. Россия подписала Конвенцию 15.06. 2001 г. и ратифицировала ее (ФЗ РФ № 3-ФЗ от 10.01.2003 г. Конвенция вступила в силу для России 29.03.2003 г. Ст. 1.
- ⁴ *Аббасбейли А.* Кавказ в сфере геостратегических реалий // *Обозреватель—Observer*. 2003. № 11. С. 28–37; *Гродненский Н.* Первая чеченская. История вооруженного конфликта. Минск: ФУА-информ, 2007. С. 77–79, 85–88, 90.
- ⁵ *Ханбабаев К.М., Якубов М.Г.* Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2006; *Богданович В.Ю., Маначинский А.Я. и др.* Конфликты и войны после распада СССР. Киев: изд. “Кий”, 2007.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 9478, оп.1с, д. 1, 2, 8, 394, 1260; оп. 1. д. 41; Ф. 1235; оп. 3. д. 20; Ф. 1318, оп. 1, д.661; РГВА. Ф. 109, оп. 1, д. 38; оп. 3, д. 214; Ф. 25896, оп. 9, д. 285, 287, 366; РГАСПИ. Ф. 65. оп. 1. д. 219; Ф. 33988, оп. 2, д. 389; Ф. 17, оп. 17, д. 169; Ф. 17. оп. 11. Д. 1003; Ф. 17, оп. 17, д. 169.
- ⁸ РГВА. Ф. 195, оп. 3, д. 107; Ф. 25896, оп. 9, д. 285, 287, 366; *Кашкаев Б.О.* Красная Армия в Дагестане. Махачкала, 1964; Гражданская война и воинная интервенция в СССР. Энциклопедия / Гл. ред. С.С.Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 157; *Кичев М.И.* Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920—1921 гг.). Махачкала, 1963; Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 64.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**